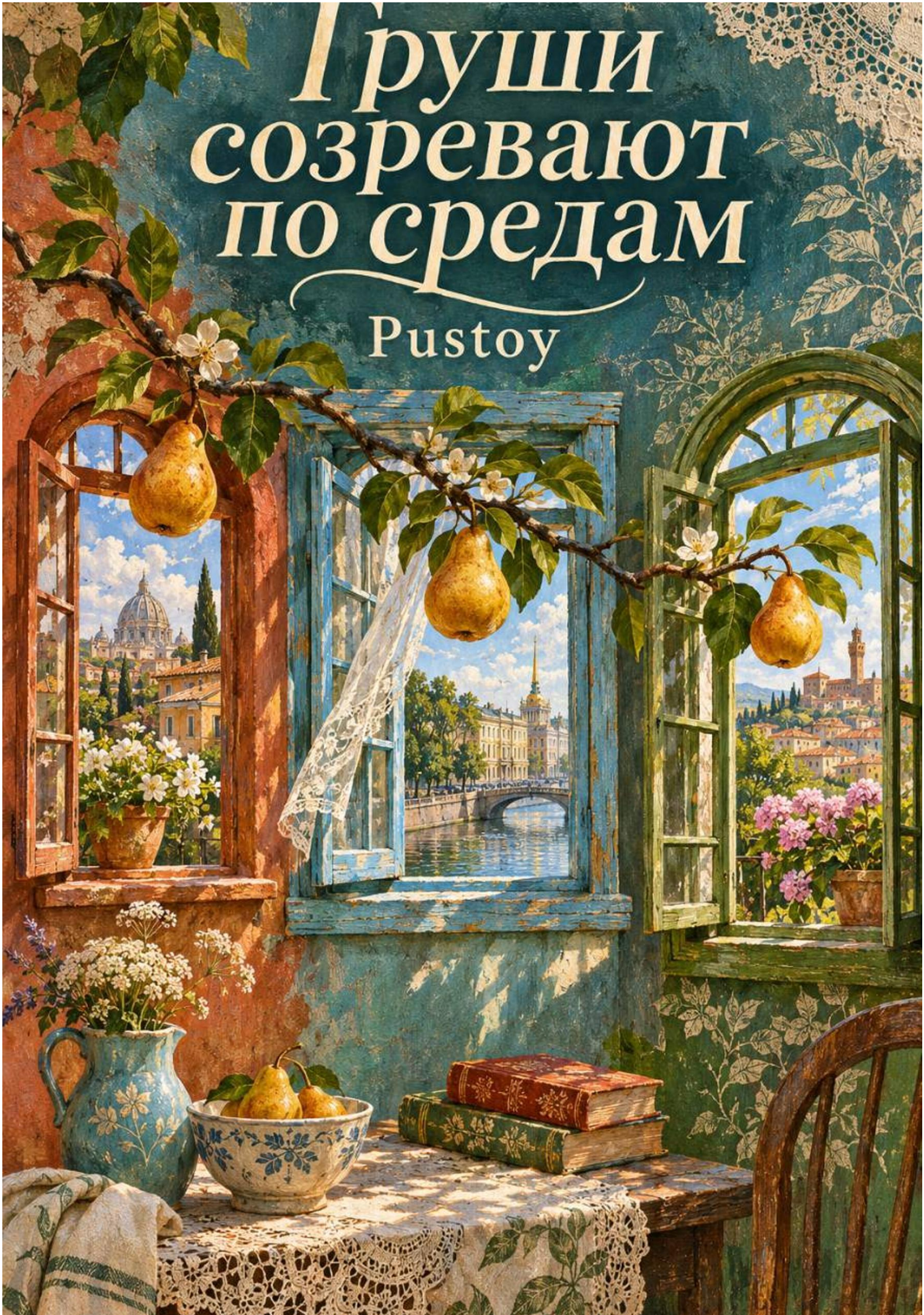
Груши
созревают
по средам
Pustoy

Pustoy

Груши созревают по средам

«Автор»
2026

Pustoy

Груши созревают по средам / Pustoy — «Автор», 2026

В Порту швея Вера роняет старый синий таз. Ловит его Оксана — за несколько тысяч километров, в берлинском дворе. В среду под грушей им обеим видна ещё и ереванская парикмахерская, где Мариам подгоняет старое голубое платье к свадьбе племянницы. На общем столе появляются хлеб, зелёные плоды и вещи, которым пора вернуться к хозяевам. А в остальные дни Вере предстоит сказать дочери, где она хочет жить, Оксане — проводить свою на поезд, Мариам — найти ключ от собственной двери. Три семьи, одно долгое лето и самая неудобная на свете пора для переезда.Текст романа и иллюстрация обложки созданы с помощью искусственного интеллекта.

© Pustoy, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тот, кто держит таз 6
Глава 2. Левое ухо чайника 10
Глава 3. Пуговица к празднику 14
Глава 4. Грушевый бок 18
Глава 5. Четвёртая комната 22
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Pustoy
Груши созревают по средам

Pustoy
Груши созревают по средам

Глава 1. Тот, кто держит таз

У Веры был синий таз с одной целой ручкой. Вторая отвалилась в тот день, когда Инга сообщила, что беременна. Таз упал на ребро, вода пошла короткой дорогой по кухне к лестнице, и Инге пришлось поднять босые ноги на стул.

— Ты сперва вытри, — сказала она. — Мам, это вообще-то хорошая новость.

С тех пор прошло восемь лет и два месяца. За это время Вера переехала в Порту, родилась и пошла в школу Луиза, родился и умер Ингин бизнес по продаже зефира в виде морских звёзд. Женщина с хорошей фантазией давно бы выбросила таз или подарила его к новоселью тем, кому хотела испортить жизнь. Вера зашила ручку тонкой медной проволокой. Обычную семейную вещь в магазине на углу отпускали за четыре евро с небольшим, но у обычной оказалась бы ещё целая, никак не связанная с рождением внучки ручка. Этот неприятный довод преодолевал размолвки, дорожные затруднения и переезд в новую страну.

И вот в одну июльскую среду медная ручка не выдержала. Вера тащила таз со старинными синими сценическими брюками к раковине во двор. Брюки были такие большие, что ими можно было обмотать двух танкистов, а раньше их носил худой как жердь артист. Окрасили воду до цвета фиалкового сиропа. Медная петля выскочила из пальцев, таз пошёл набок, и на этот раз испортиться предстояло шести выстиранным белым наволочкам на нижней перекладине сушилки. Как только вода нашла свой давно проторенный путь между Вериными лодыжками, кто-то с другой стороны ухватил таз и поднял.

Две женщины держали его вдвоём под грушей посреди двора. Одна в цветастом штапеле с большими выцветшими розами, в бежевых кожаных сандалиях, на правой ноге у мизинца испуганно дрожит пластырь. Это Вера. Другая без всяких роз и сандалий, сплошная голубая футболка до самых колен, ватное полотенце на самом левом плече, а ладонь до запястья ярко-синяя, как будто она на ночь залезла в чернильницу. По возрасту младше Веры; лоб белый, нос в веснушках. Ни одного кольца на длинных пальцах. Женщина поставила таз на второй от земли перевёрнутый ящик. В неудачном синем сиропе заколыхались исполинские штанины танцора.

— Спасибо, — сказала Вера по-португальски.

Женщина взглянула на её лицо, потом на распахнутую дверь. У них в доме пять квартир, три заняты давними жильцами, одну сдают парню из его очередного путешествия, а в последней, на третьем этаже, живут Рита с сыном. Кто захочет войти во двор, входит через узкий длинный проход, где уличный шум уменьшается ступеньками. Жильцы замечательные спорщики, двери почти ни у кого не обходятся без собственного скрипа. Из душного зелёного полумрака эта женщина возникла слишком тихо. Вера хотела спросить, у кого она гостит, но та замахала мокрыми пальцами и показала ей что-то — вниз, потом к своему лицу, потом к груше. Из-за ветвей послышался протяжный детский смех.

В большом доме по соседству готовили обед. Чеснок положили в масло сразу, он начинал гореть и пах так, словно тёрли горячую медь цедрой апельсина. Над сырой стеной в слое листьев что-то тяжело нырнуло, ударило по ветке и шмякнулось прямо в тёмный таз. Брюки вздохнули воздухом. Показалась зелёная верхушка груши, палочка вниз, широкий, как у маленьких девочек на качелях, раскачивающийся бок. Лицо у чужой помощницы осталось в пятнышках солнца, и сквозь пятнышки она прекрасно поняла, куда смотреть. Обе потянулись, столкнулись пальцами, и тут за зеленоватым кирпичным углом зазвонили в кухонный колокольчик.

Вера обернулась. Женщина куда-то делась. Так просто: была и нету, и с той стороны, куда вела калитка, никому не надо было отступать в коридор, освобождая место. На краю синего таза отпечатались четыре полумесяца. Странно, подумала Вера и вынула из воды грушу. Где ударилась о тонкий край пластмассы, шкурка треснула, а так она была ещё твёрдая и совсем

несъедобная. Вера положила её сохнуть на окошко к своему напёрстку. Фрукт с синей прожилкой пришёлся точно в углубление под запором.

— Чего хихикаете? — спросила она у пустого двора.

Из соседнего окна по другую сторону воды высунулась очень довольная Лу. На щеке у неё прилип сахар. Сладкий заговор случился с кем-то из взрослых прежде, чем она явилась бабушке.

— Я вам покажу один фокус. Только мне нужно длинный рукав. К твоей соседке сегодня приехала тётя с квадратным лицом. Она по-португальски как ты, у неё нет маленьких слов, только большие. Зато конфеты у неё есть.

— Ты опять наелась с самого утра конфет?

— Н-нет. Утречко мы поели п-помидор и т-такую штуку на х-х-хлеб. Мне надо негодный рукав. Хороший жалко.

На языке Веры эта умная прекрасная девочка заикалась, особенно когда торопилась, закрывала на полуслове глаза и как будто заново просовывала нитку в иголку. По-португальски у неё во рту жили сразу четыре птицы, выпускала какую надо и три в запасе, а на бабушкином языке оставались только слова, за которые никто не обижал во дворе. Вера с лёгкостью договаривала за Луизу и что надо, и чего говорить не стоило. Второй год Инга просила оставить эту дурную заботу, пусть человек сам вытянет свой звук, он в голосе, может, как раз силы набирает. Ребёнка, умеющего убедительно сердиться, мать слушает раньше, бабушка позже. Зато иногда тоже слышит.

Вера принесла испорченный рукав от чёрного дождевика. Луиза обвязала им плечи своего красного плюшевого осьминога и проверила, пройдёт ли он под закрытой крышкой стиральной машины. Потом она спрятала глаза, сунула рукав в большой пакет и вытащила наружу только осьминога.

— А рукав где? — спросила Вера.

Лу распустила пустой пакет у неё над головой. Из темноты головного убора посыпались три фасолины. Рукав свешивался с карандашницы на полке, который раз смотрели прямо на него, пока искали. Фокус вышел. Ребёнок переставал спотыкаться о русские слова, когда разъяснял их взрослым с помощью трёх ловких, заранее обдуманных движений. Вера взялась обвязать пакет узлом, но к своему усердию попробовала отнестись как к испорченной дверной ручке: дёрнул и всё-таки отошёл, пока кто-то сам вылез с той стороны.

К обеду восстановили медную петлю. Сосед Жулиу взял пассатижи из коробки со старой надписью «Сахар» и предложил обжать две жилки так, как завязывал своим лошадям на узде в той половине жизни, про которую до сих пор рассказывал только на своём прежнем португальском, растягивая слова, как гамак. Мать когда-то попросила его в Бразилии продать лошадь, съездить к ней одному и больше никогда ничего не шить нитками из меди. Насчёт матери Вера разбирала неплохо, но кого он с кем туда съездил продавать, оставила до следующей жизни. Он часто усложнял её русский шутки ради. Узнал, что в славянских языках части тела могут всячески «затекать», и на каждый собственный насморк объявлял: «У меня нос в правый глаз затёк, чуть в ухо не разлился». Вере со временем перестало быть смешно, однако она точно замечала у себя на щеке тёплую улыбку заранее, стоило только ему втянуть воздух.

— Кто к тебе пришёл? — спросила она. — Женщина с синей рукой.

— Синей?

— Как моя штора. Синее этой рубашки.

— У меня сегодня у человека из Бразилии за океаном мальчик встает с утра с гипсом, весь дом его при этом просит больше никогда не вставать на ролики, когда папа уходит на работу. И ещё одна женщина у меня на телефоне. У неё рука обычная, белые ногти, ногтями снимают кожуру с гуавы, которую ни ножом, ни столовой ложкой не возьмёшь. У Риты спроси. Она тебя к трём просила зайти, клиентка новая, не запоминай пока своё счастье.

Жулиу давно знал, что нужно говорить портнихе, когда она пристрачивает голенище к свинцовому носу праздничной куклы и совсем не успевает взять и упасть замертво от скуки. Рита жила наверху и работала через две улицы, в маленькой лавке с тканями, позади которой подоконник и три ступеньки делили на два этажа широкую, пахнущую деревянной линейкой комнату. Когда их фирма была семейной, там принимала мелкие заказы её тётка Леонор. Позже в комнату привезли живые клетки с попугаями, купленные кем-то для подарка и не принятые с благодарностью; попугаев разобрали, но на полу остался выжженный под бледным воском рисунок перепутавшихся прутьев. Вере нравилось это место по двум причинам: оттуда через заднее окно было слышно, как утихает большой шум с улицы, и вдвижная рабочая доска почти до миллиметра совпадала с тем столом, на котором у Веры в Одессе лежал крахмаленный ворот первой приготовленной к опереточной премьере рубашки.

Луиза пошла в лавку с ней. Ей позволили выбрать двух бумажных птиц, вырезанных из японского цветочного упаковочного листа. Птицам сделали по дырочке в шее, по оранжевой бусине на всякий случай и продели обеих на один шнурок. Лу передёрнула на ресницы тонкую рабочую лупу и принялась рисовать им зрачки.

— Работы на сутки, — сказала Рита. — Снимет здесь мерку. Ведущая на юбилее, ей сделали очень неудобную молнию в старом платье. Она думает, это у неё поменялась фигура, а у неё обтачку пришили так, что закрыться не может. Девушка приходит с мужем. Говорит по-русски слегка, они из бывшей Югославии. Проверяй сначала, чья молния. Они друг другу всё время жестикулируют вместо слов, я не поняла.

Костюмчик был мужской. Синий пиджак в клетчатую ржавую полоску, с оборотной стороны шёлковая мятая подкладка. Жена пришла примерять, потому что у мужа была широкая спина и узкая талия как у артистов балета, а у них двоих почти одинаковое положение плеч. Рита слышала про платье, и это тоже оказалось правдой. Мужчина надел на годовщину ресторана, где они сочетались двадцать семь лет назад, это самое платье своей жены, когда посреди банкета понял, что заскучал и что нужен кому-то живой и смешной, с выдуманными романтическими волнениями и тайными поклонами, с маленькими горошинами от квашеного перца в нагрудном кармане. Семья его с тех пор каждый раз предупреждала: никаких чудес, всё скромно и только с ближайшими друзьями. Поэтому на нынешней встрече он будет в своём первом красивом синем пиджаке, в брюках, в галстуке или ещё в нескольких важнейших принадлежностях, чтоб не пришлось из-за неожиданности терять голову и переодеваться с женой под столом. Жена хохотала, рассказывала по-русски довольно бегло, вставляла редкие слова другого языка без объяснения, но так, что становилось понятно.

На самом деле молнию на узкой жилетке под пиджаком надо было выпороть и поставить на полтора сантиметра от прежней линии. Всё, больше новых материалов не надо. Трёхчасовой работы с отвлечением на кофе и аккуратное, сделанное со спины изображение, как муж и жена выглядят вдвоём, если почти в равной степени свободно владеют шеей и висками. Лу сняла их на планшет по их просьбе. Когда гости ушли, Вера вежливо записала в прямой синий блокнот цену, которую сама взяла бы за такую работу отдельно у себя дома, и положила перед Ритой.

— Здесь будет больше, — сказала Рита. — Ты мне теперь половину переводишь, а они всё, что положено владельцу мастерской, тебе платят же. Если захочет заказчик доказательство происхождения шва, ты его бумагу красиво подпишешь моей рукой, так?

— Я твоей распишусь только если ты мне дашь свою палку, которой ты, Рита самая умная, получаешь свои счастливые деньги.

— Ну так распишись своей фамилией. Лет через три поднатореешь разговаривать и откроешь тут нормальную женскую боковушку. И мне станет весело ходить сюда самой.

Женщина сегодня была разговорчивая. Сняла вровень с окном маленькую оранжевую сумочку, открыла, чтобы показать Вере смешные билеты на местный детский вечер кино: под открытым навесом и без всякого иностранного языка, потому что показывают старые немые

фильмы. Раньше в их дворе таких вечеров было много, пока не умерла Нелинья со второго этажа, которая умела коленом и ладонью разом успокаивать шесть ребят и одного отца, недослушавшего, что ему сказали. Рита хочет опять летом хотя бы раз устроить, но откуда инструменты, если у каждого на уме расходы, гречневая крупа и Порту, из которого скоро все уедут в более удобную тёплую комнату где-нибудь рядом.

— Мы поедем в Брагу, — сказала Луиза. — Мама п-подписала уже одну бумажку. У н-нас с т-тобой будет такая кровать, сверху одна спит, внизу бабушка, и лестница. Ты раньше п-падала с такой?

Вера спрятала синий блокнот в сумку. Инга семью не прятала от разговоров о потенциальной столовой, вместе с Томашем объезжала маленькие города, искала себе дело без тридцати спущенных со стороны распоряжений. Именно поэтому их ребёнок трижды в неделю половину дня проводил с бабушкой. Вера спрашивала, какая будет площадь, чего стоит тепло, можно ли из задней двери вынести два таза и кастрюлю без особенных усилий. Одна вещь не приходила до сих пор в голову: что дочь когда-нибудь внесёт её в свой проект сама, без просьбы.

— А ты ей зачем про меня вчера сказала? — спросила Вера по дороге домой.

— Не п-поняла. Она и так знает, что ты у нас есть.

— Ну конечно. Куда я денусь.

Лу перевела дух. Возле хрустящей под ногами пересохшей травы стояло большое широкое окно, в котором на полке под бортом выставляли круглый год горы декоративных мыльных яблок. Однажды в ноябре Лу долго просила их купить, получила самое маленькое и яростно откусила. Месяц не могла людям возле окна позволить сделать губы смеющимися без неё.

— Я ей не сказала, — ответила наконец девочка. — Она сама придумала. Меня тоже не с-спрашивали.

Вернулись в охристый двор. Жулиу убрал проволочные пассатижи. У его зелёной двери просыхали сандалии, которые кто-то очень бережно вымыл у кромки и сверху протёр от внутренней стороны, чтобы хватало на несколько дней до нормальных морских ветров, обещанных над городом. Вера занесла таз на кухню, смыла с дна потёки, насыпала в него принятые от Риты мелкие пуговицы. До ужина хватало времени. Выставила мокрую грушу на подоконник обратно. Зелёную, пыльную, в одной чернильной прожилке — такую можно было бы, наверное, когда-нибудь нарисовать, если иметь с детства синюю руку и целый свободный от убежавших дел вечер.

Глава 2. Левое ухо чайника

К Оксане прилетела овца из трёх половинок. Первой была передняя половина с головой, большим пустым глазом и одним красным копытом: три других при разломе куда-то делись. Второй зад с белой шерстью в кружочках и с розовым до неприличия подхвостьем. Третья самая тонкая, такая кривая прожилка, что умещалась на половине спички. Любой воспитанный человек на месте заказчика сунул бы её в маленький бумажный пакет или примотал ниткой к белому листу. Прислали завёрнутой в половину пляжного пледа вместе с остальной овцой. Выпала на пол, прилипла к ноге Оксаны; хорошо, что к босой, пощекотала и тем напомнила о себе.

Была пятница, хоть печенье, которое положили в коробку в знак дополнительного уважения, ставили к чаю только по большим выходным. На шоколадном бочонке растаяла буква, обещавшая спокойную Хильду или звёздочку; целлофан разгладили старой алюминиевой ложкой, сахарную крошку высыпали в контейнер для бытовых отходов. В трёх шагах от окна Оксана поставила на заготовленную белую тетрадную обложку обе большие половины овцы и попробовала представить пятнадцать вариантов происходящего в тот момент, когда это животное решило уйти в свободное падение со своего хвойного деревянного шкафа. Нет, шкаф, скорее всего, не хвойный. Откуда в посылке тогда столько тёмных пятен на обёртке?

Две минуты поразмышляла и написала заказчице: «Овца прибыла. Недостающие копытца считать окончательно утраченными или поискать вместе с вами?» Выучиться спокойно писать это по-немецки она сумела года через два после приезда. Сначала писала длинно, обвивала каждое слово чем-нибудь про близкое к её сердцу огорчение из-за отсутствующей полноги у мумии с личным названием «Милая Бетти». Потом заметила: чем больше ты говоришь о своём сердце, тем больше клиент, конкретно неизвестная тридцативосьмилетняя женщина из Киля, опасается доверить тебе собственную старую овцу. Поэтому в последние годы писала кратко и без рисунков обезьянок, которые плачут или целуются. Только перед Новым годом однажды можно было закончить работу поздравительной ёлкой. Самые отзывчивые клиенты высылали ей в ответ корзину грустных роз.

В углу стоял настоящий, во второй стадии, чайник. Круглый живот, три разные ноги, дно комковатое от смятых большим пальцем светлых заплат. Не «копия русского кринка», не «переосмысление культурного детства» и вообще ни о какой истории за его ручкой она говорить не желала. У проекта, на который её позвала соседка по мастерской Фрида, имелась тема «Общий стол». Отобранные художники до первой недели сентября выставляют свои вещи в городе, потом один получает стипендию и доступ к большой печи на четыре месяца. Если у Оксаны будет возможность эти четыре месяца искать собственные синие поверхности, она перестанет хотя бы до Рождества затирать в памяти старую потерянную эмаль чужих овец и пастушек. Так про это говорила Фрида. Так, если ей случалось проснуться у окна в ледяной шум ранних мотоциклов с ещё не вставленными слуховыми аппаратами, думала Оксана сама.

Забыла предупредить женщину из Киля, что парное копыто изготавливается по одной фотографии или по образцу третьей ноги. Когда написала второе короткое сообщение, пришёл ответ: «Бетти стояла у окна нашей кольцевой кухни. Копыта нашли у посудомойки, они в пути. Большое спасибо, пожалуйста, сохраните синий след под хвостом. Это у нас Юлиан в детстве раскрашивал».

Оксана округлила губы. Забавно, как человеческая память умеет дурную подкраску на заседании семьи назначить официальной частью овцы. Любое крашеное дырявое место в этом заказном животном принадлежит определённому человеку; пока этот человек сам не отпустит его в общую печь, необязательно лезть к ним со своей улучшенной историей. От сложных

человеческих ощущений у неё не менялись пальцы. Проверила гибкость маленького осколка, приклеила к выпуклой части, подложила под него прокладку из светлой бумаги. Спала дрожь.

Фрида пекла в ближней комнате имбирные хлебцы в форме ладоней. Из маленькой похожей на хлебопечку печки тянуло жиром, который стоило при уборке оттереть, иначе все женские руки не отдадут детям приуроченной к церковному воскресенью работы — можно сломать палец об край. Фрида работала иначе: в свободной нижней духовке заводила съедобное тесто, а рядом на полке держала несъедобное. Если кто-нибудь, кроме неё, приходил к духовке без дополнительной информации, случались невкусные недоразумения. Поэтому она приучилась пальцем рисовать на мучной бумаге букву Б. Братский язык или булка? Фрида не задавалась этими вопросами. У неё в кабинете на двери стояли чёрный резиновый козёл и настоящее большое, со всеми выростами, дерево розовых баранок; для неё не составило бы труда вразумить в пятницу среди дня двух смертельно скучным непониманием своей стеклянной приверженности гостей.

Когда Фрида хотела докричаться до Оксаны, делала две вещи. Широко открывала дверь и махала. Если Оксана стояла не лицом к ней — дважды коротко ударяла растопыренной ладонью по рабочему столу. В мастерской между двумя женщинами имелась обычная полутораметровая столярная доска после ремонта общих мест. Один конец лежал на столе у печки, другой на Оксанином собственном. Слабый толчок через столешницу передавался даже в старом керамическом одноухом горшке, когда Оксана вела по его краю тончайшую полоску позолоты. Фрида ни за что не делала этого в такую минуту.

Рядом с её локтем возникло лицо соседки и открытый рот.

— Женька, — сказала она по-русски, единственное новое слово выучила у самого ребёнка, да теперь какое уж тут имя немецкое, если только «Женька». Показала вниз вытянутым указательным: внизу, одно сообщение и два полных круга пальцем — быстро.

Во дворе стояла Женя. Спортивная куртка с зелёным кантом на шее, яркая быстротечная пополам с дождём улыбка. Вместе с ней уже третью неделю подряд приходила приятельница Рая со странными для своего возникшего в Ганновере детства круглыми электрическими серьгами. Подносишь две ближе — и они мигают оранжевым светом, а рядом с чужим личным прибором остаются двумя вполне заурядными игрушечными бомбами. Подарок брата. «Вы с таким видом смотрите» — говорила Рая, если взрослый слишком положительно отнесётся к её украшениям, что хотелось человеку треснуть себя по лбу, усмирить собственный восторг.

Оксана из окна широко подняла ладонь. Женя прижала два пальца к подбородку, потом провела большим поперёк запястья. Хотела спросить, может, опять понадобится помощь с чьим-нибудь звонком и как быстро. У неё тренировка через тридцать пять минут, добираться на велосипеде до реки около десяти, с Раей поедут медленнее, у той разлохматившийся на переднем колесе тормоз и нет желания покупать новый до воскресенья. Выпал из неба и прирос к голове обыкновенный вопрос: «Мама, ты справишься?», который надо обязательно задавать в глаза, а не на другом конце их длинного кухонного стола.

«Езжай». Оксана не любила, когда вместо пяти получалось шесть движений и старый русский домашний способ «иди сюда, говорю тебе» выходил вместо более удобного «никуда не заходи, я справлюсь, всё ладно». Женя поняла точно. Стукнула ладонью о борт велосипеда, переступила через раму, красная заколка образовала в воздухе тонкую маленькую дугу. Выехали сперва Рая, потом Женя. Рая выпрямилась, подсела, выпрямилась, виляя обеими ею злыми серьгами. Дочь проехала незаметно для людей у подъездного цветочного ящика. Шестнадцать лет ей исполнится в октябре. Тогда можно будет вносить деньги за своё оборудование, претендовать на независимую заявку в осеннюю спортшколу и прекращать бояться, что мать с детства по каким-то уже нечитаемым слогам её редкого приоткрытого рта догадается ещё до того, как она неизбежно откроет этот разговор.

В мастерской Оксана прошла к умывальнику, вымыла глину с пальцев. Неподатливый синий след на левой ладони под тонкими кольцами засохшей глины всё ещё оставался, с тех пор как в среду она проверяла пигмент на фильтрованной воде и сверху на руку скользнул чужой таз. Вода какая-то густая, тёмная, та женщина по соседскому двору будто не свою стирку несла, а часть морского фронта. Наверное, они живут за дальней аркой, у Нуры в старом крыле: там с начала июля въехали в квартиру двое из Португалии, привезли с собой стол, огромный чемодан полосатых диванных подушек и два комнатных гибискуса. По традиции квартирного дома на двери в самую неделю жилищных тягот постояльцы выставляют тарелку с чем-нибудь вкусным. Оксана больше десятка раз делала себе мысленно такую тарелку из осколков прошлогодней эмали или бабушкиного белого чайника с полоской воронёной подкраски сбоку и ни разу не решилась ничего поставить на явное человеческое место к овалу собственных домашних следов. Девять лет, а всё ещё не вышла со своим личным хлебом в тот общий двор. Женщина оказалась сухонькая, в платье с дурными печатными розами, ворох морщинок у глаз, гвоздями держит мокрый пластик. Улыбнулась по крайней мере вполне ей, в лицо. Чужую помощь можно принять, не оплатив. Или даже отплатить за помощь тем, что самой пришлось её, не ожидая, оказать.

Оксана отогнула ушко чайника. Вид у него великолепный, но если подрезать подвеску сбоку, кружочек тонкой ручки пустит длинную поперечную трещину. А этого совершенно не надо, чтобы в центре мира стоял старый круглый стол, на нём что-то пробовали, сопели, вспоминали детство с синим пятном пониже хвоста и чуть заметно трескались, получив по щеке от жёстко посаженной ручки. Она ещё раз попробовала прижать сырой шов. За стеной слышно через деревянный стол: два стука, удар, пауза.

— Завтра в девять утра я веду к тебе Монику, — раздельно и тщательно повторила Фрида, светя белыми передними зубами. Была у их разговора и запись, её Фрида всегда делала без просьб: короткая, прямая, со смехом над собственной опиской в имени Моники, у которой фамилия трижды в жизни менялась, а первая участь осталась постоянной. — Та, что закупает для школьной витрины всяких зверей. Она видела твою синюю скамью с вмятинами. Думала, специально сделали под руку, а ты её просто плохо отжала от соли. Скажи, хочешь сама? Попросишь кого-то из друзей переводить, как будет быстрее всего, пока я с ней кофе пью? Я плохо читаю по губам и говорю много.

— Сама, — сказала Оксана, на этот раз ртом. Вокруг будто сразу переменилось освещение. Обычно ей нравилось чувствовать собственный голос, но торопилась она так говорить редко. В большинстве случаев было проще отдать человеку руку, позвать ближе и написать, что от него нужно. И в пятницу вечером, когда Фрида с Моникой составляли будущую покупку, её совсем не тянуло делать такой маленький подвиг вторым после того, как закончила неизвестную чужую овцу. Но существенно, что попробовать она согласилась.

Под вечер Женя пришла одна. Сняла на пороге мокрую длинную куртку, переставила горелку к стене — зачем Фрида её этак поставила, там никому не нужно жарить кукурузу на уровне детского нёба. Отклонила от замка унылый зелёный чехол полотняного зонта: стоит на одном месте уже года три. Ни одного зонта ко времени четверга не оставалось, только чехол ещё весной перепутали у дверей с таким же ковриком для школьных туфель. В руке у девочки была маленькая деревянная прищепка на белой суровой нитке.

— Здесь упала с ветки. Папа в воскресенье может позвонить тебе? Он сказал, в начале недели не сможет заехать, карта на машине сломалась. Понравилась эта непонятная щепка. Я не знаю, кем она была, когда была ещё деревом. Мама, ты не клей сейчас, ты смотри на меня, а то я горлом наружу завернусь, когда мне приходится глазами за тобой гоняться.

У верхнего края прищепки виднелась маленькая кривая прорезь в форме звёздочки и латинские буквы VZ. Оксана её вертела, ссовывала большими пальцами деревянные краешки, попробовала прищемить себе заусенец у ногтя. Что-то я вправду видела такое. Чужая женщина

держала полметра волокнистой тёмной воды у серой стены с мятой грушей. Синий оттиск на её ладони возникал теперь в добром соседстве с зелёной грушей одного из тех садов, где ребёнок научился думать о себе не сам. Оксана подцепила прищепкой новую отправительную марку, поставила рядом с письмом из Киля.

— Хорошо выгребли? — спросила она. Руки у неё устали, на ногтях оставался комок посеревшей мокрой глины.

— Хорошо. Сегодня я гребла вторым номером. Хочу в следующем году сидеть ближе к носу. Ты же сама всегда хотела, чтобы я показала тебе в жизни хоть раз что-нибудь мокрое и быстрое, от чего у тебя потом не окажется нового чайника. Слушай, я наш чайник обычно как вижу: пузо женское, три ноги, хвост дракона, из-под крышки дым. Можно мне завтра заплатку самой на плечо пришить и уехать к шести?

— К шести можешь. С самого утра приходи на минуту в девять, у нас покупательница. Я сама вроде справлюсь. Может, понадобится ей что-нибудь объяснить.

Женя посмотрела на неё снизу, чуть подняв одну бровь. Три недели подряд они так и гуляли половинками материнского «сама справлюсь», половинками дочернего свободного дня. Слова, которые она хотела ей сказать прямо сейчас про Гамбург, пришлось передвинуть на вечер, а в субботу уже невозможно будет их вставить ни в обед, ни после тренировок. Она покосилась на чайник и протянула матери его крышку.

— У него на левом боку как будто ухо, — сказала Женя. — А если отрастить правое, ты думаешь, он сможет сам наконец тебя послушать?

Глава 3. Пуговица к празднику

В Ереване Ваган завтракал дважды. Пил один стакан воды, потом ел ломоть хлеба с сыром. После этого ему делали кофе, и он вынимал из синей жестянки морщинистый плод инжира или большое темно-оранжевое курабьё, красиво осыпанное сахаром. Покончив с первым завтраком, он шёл к коровой лавке за домом Анаит. Никто здесь не держал корову, а лавка называлась коровой потому, что на ручке её двери деревянный шар был выточен в виде соска, из которого выходило нестираемое смуглое пятно большого, чьего-то постоянного пальца. И вот там, поглядев на два подноса с лавашом, три маленькие пластмассовые бочки и дымящуюся кастрюльку для тех, кто приходит на работу с опозданием, он разрешал угостить себя вторым завтраком. Мариам с Анаит у него эту лавку ревновали. Красивый получается, говорили они: у своей семьи тринадцать раз попросишь съесть горячее, в чужих руках сам несёт домой кипящую кастрюлю и лезет в неё длинной усатой ложкой.

Никаких усов у Вагана не было. Сбрил раньше сорока, когда у жены начался тяжёлый аллергический насморк и они недели две пытались вычислить: на пыль, шерсть кошки, крем для бритья, который жена целым тюбиком тогда отдала соседке, или вот на эту несчастную человеческую волосяную поверхность, что трётся по ночам у неё под носом. Выяснилось, что на одеколон доктора Минкина, доктора в переносном смысле: его отец и Ваган в Ростове жили на одной даче и так часто меняли бритвенные чехлы, что у них на двоих с какого-то года в банке была одна и та же пачка пишущих садовых мелков и один кусок очень хорошей мятной халвы. Ни жена Вагана, ни чья-то другая родня сейчас уже не смогли бы подтвердить все подробности этой истории. Один он остался рассказывать, и всякий раз немножко больше получалось: то кошку вымоет в водке, то кто-нибудь приедет из Анапы с целыми пакетами морского воздуха. В Ереване говорили: ты опять нашего Ару хитростями будишь. Ары, мужа Анаит, четыре года не было на свете.

Дом делили сёстры. Старшей Анаит пятьдесят два, младшей Мариам сорок семь. Обе дочери Вагана, но две матери. Анаит выросла в Ереване, помнила отца молодым, быстрым, всякий раз в ту ночь, когда в её комнате начиналась гроза, он поддевал голые ступни одеялом и говорил, чтобы спала. Потом уехал в Ростов и приехал на лето, снова уехал и приехал к зиме, а потом из Ростова прислали фотографию девочки с кучей мятых шерстяных вещей на подстилке. Мариам. Та знавала сперва звук его шагов по их тесному коридору, от носа у самого плинтуса до открытой дверцы её шкафа, потом его спину, склонившуюся над матерью в больнице, потом её собственного стареющего папу Вагу, которого можно так долго уважать, как над бульоном держать крышку с мокрой полотняной обмоткой. Наклонятся обе женщины в прохладное окно, и чужой подумает, что у них тёплое детское воспоминание на три цикла, от родителей до первого выпускного. А правды получится всего на два поздних отцовских возвращения и на три года их современной совместной жизни в этом дворе.

У Анаит за дверью, точно напротив девяти небольших каменных плиток вдоль стены, работала парикмахерская. Когда Ара был жив, парикмахера в ней так и называли «жена шофёра», хотя шофёр большую часть лет сам пользовался её заработком. Брал утренние и вечерние рейсы на старой дороге у воды, а днём приезжал за ней поставить ногу на тормоз, чтобы открыть подгоревший капот или отдать слетевшее кольцо шины какой-нибудь очень уставшей девушке с коляской. Известная в семье вещь, горячая жена и те двое, к которым на праздник каждый раз приходится привозить один букет для комнаты и другой для парикмахерской, живут возле самого двора с грушей. Дерево старое, у третьего конца сверху распалось на две части, между ними получился маленький лунный залив настоящего утреннего неба. Там несколько лет лежал брошенный в ссоре мальчишечий ботинок. У него побелел верх, подошву никто с земли не видел. После сильной ночной грозы он упал, Мариам вынесла ведро сорного

мокрого мусора и выбросила почему-то вместе с ним. Теперь гроза не знала, за что у них во дворе цепляться.

Дочка Анаит, Арпи, собиралась замуж. Ей исполнилось двадцать пять, она очень хорошо имела дело с детскими ногами: делала стельки и мягкие удобные чулочки для тех учеников, которым тяжело носить обыкновенные тесные туфли. Несколько лет работала с детским спортивным магазином, потом отдельно сняла комнату, спросила разрешения своего наставника назвать своё место мастерской и заказала вывеску с нарисованным следом кошки на правой букве. Виген изготавливал искусственные зубы в маленькой частной лаборатории, мог разложить все личные данные человека по прикусу, если там есть хотя бы один сколотый зуб. Обоих это смешило: у тебя ноги, у меня рот, вдвоём сможем сделать почти всё остальное. Пожениться хотели осенью. Когда в июльскую субботу Виген пришёл к ним со своей теннисной ракеткой и маленьким клюшковидным футляром для маникюра, Анаит решила, что помолвку отменят: невозможно себе представить, как юноша с ракеткой и маникюрными щипцами выходит просить у будущей семьи невесты разрешение на что-нибудь торжественное.

Он принёс копию подтверждения на вторую пятницу сентября. Договорились о небольшой церемонии вдвоём, если не попросить маму и тётю устроить много специальных дел ещё до разговора друг с другом. Бабушку Астхик со стороны Вигена пригласить к ним поесть супу. Выходной в парикмахерской взять заранее. Долгих кругов вокруг родственников в разных концах города не совершать. После росписи оба хотят неделю не выскакивать к семи утра из детских ног и зубных протезов. Если вздумается, можно поехать в горы на старом Аровом автомобиле, который имела неосторожность сохранить Анаит. Невысокая, широкая, наполовину одного зелёного цвета, наполовину другого, машинка для того и осталась в их семье, чтобы было на чём иногда увезти туда, где у пятен кукурузы кончается дорога, одного молодого человека со своими треволнениями перед осенней работой.

Веранда получала после полудня очень сильное солнце. На полу под всем этим светом стоял таз из бледного фарфора со старой длинной скобой сбоку. Когда переставляли кран, сняли держатель от мягкого чехла на раковину и прикрутили через скобу старый таз к столбу. Капала в него медленно вода и оттого туда днём наведывались птицы. Чёрно-белый кот Дизель, названный Арпи лет десять назад по собственному глубокому знанию двигателей, сидел под ступенями, подбирая к своим дотрагивающимся усам хвост. Покушался ли когда-нибудь на доверчивых птиц, не знали. Мариам подозревала, что ему в тени так хорошо, что лишний раз дёрнуться неохота. Если бы чья-то бедная забывчивая рука вдруг поставила в таз сахар, голубям будет сладко, а коту ничего: ему даже с миской мяса возились специально, чтобы занести в самую прохладу. И никто никого не шпынял за чужую лень.

— А из платья бабушкиного я тебе чего-нибудь сошью, — сказала Мариам племяннице. — Со мной раньше в хоре одна молодая была из Вологды, я ей так рукава поставила на кулиске, что потом юбку можно было отдельно носить. Сзади широкая декольте, чтобы как новенькая можно была медленно через весь двор пройти и бабушка Астхик первая в обморок попадала бы. Ты покажи, где синее у вашей мамы.

Все, кроме Вагана, знали, какое это платье. Когда-то мать Анаит, Еран, танцевала в агитбригадах и играла одну женщину в холодной зимней пьесе. Не первую роль, по летнему любительскому театру никто ролями тогда не торговал, давали что есть. Там, если у тебя красиво лежат женские руки на поручнях, ставили изображать по пути делопроизводительницу. А Еран получала весёлую роль вдовы хозяина пончиковой. Шла через толпу с остывшим пончиком в кармане и говорила любому, кто шипел «перед тобой же кладбище»: «А что, Павел Семёныч, мне теперь мужчину в пекарне некогда стряхнуть с лопаты?»

Верх платья хранил запах нафталина и сладких духов «Чудесная пена», хотя в семье никто бы сейчас не мог по памяти назвать флакон и для чего вообще женщинам, только что пришедшим перебинтовывать раненых в клубной постановке, велели принести из парикма-

херской целый таз этих духов. Цвет приглушённый голубой, в тёплом свете уходит в зелень, на улице в тени крыльца становится тёмным, как летний виноград. Самая праздничная в нём была пуговица. Большая, одна у горла, перламутровая, вывернутая странно-вогнуто наружу, так что через неё толком не протянешь иглу, придётся пришивать вручную, стежок за стежком. Сзади в талии разошедшийся шов и две дырки от старой булавки. В отличном виде платье могло быть в одном-единственном случае: если женщина, которой оставили его на целую жизнь, берегла его до той минуты, пока семья наконец не сможет по собственному почину где-нибудь крикнуть «горько».

— Мам, мне кажется, ты говорила, что оно осталось тебе, — сказала Арпи. — Почему я должна его резать на себя? Да даже не я, а тётя, когда ты будешь смотреть у двери и всем казаться счастливой.

— Я ничего не говорила, — ответила Анаит. — Оно спокойно лежит в нижней выдвижной корзине, сверху белое полотенце, ещё сверху маленькие штаны, которые твоему отцу выдавали в стоматологии, когда он себе выломал об семечки мост в первый раз. Иногда у человека есть вещи. Просто есть. Вы же не просите меня каждую бумагу принести с подтверждением власти над нею к начальству дома? Захочу, отдам. Захочу, буду из тридцати лет мёртвых женщин всякий раз подбивать корсеты самой Жанне д'Арк. Ваган, скажи им, тебе оно нравилось, пока мать на сцену в нём выходила.

Ваган попробовал выбраться из кресла. Дизель внизу зашевелился, поняв, кто сейчас привстанет и медленно опустит ему рядом на доски галереи чуть неприбранную кастрюльку. Отец посмотрел на голубую спальню, на кошачью лапу, пририсованную Арпи к бумажной этикетке на банке, и сказал:

— Я в Ростове, наверное, не был тогда. Или уже приехал. Я её молодую всегда помню в белом. И в том пальто с оторванной нижней пуговицей. Невысокая осталась у меня в голове, а может, она была выше моей мамы.

Только матери Мариам полагалось оставаться в его собственной голове. Сделался старым, добрым, весело отвечает на чужие насмешки, и никому из ныне живущих боязно было указать ему на то, что того непоправимого, что он когда-то сделал, всё ещё между ними больше, чем пустых летних ужинов. Постоянные баталии в их доме с удивительно тяжёлым горшком по центру стола начинались редко от самой обиды, чаще от того, что суп кому-то недостаточно подсолили, прищепки для белья переложили в ящик для картошки или, как сегодня, не дали никому выговориться о хотелках живой невесты.

— Я его заберу до будущей недели, — торопливо сказала Мариам. — Подгоню крайне бережно, фасон элегантный и во двор прыгай хоть с закрытыми глазами. Ты только свои три числа мне напиши.

— Никаких платьев мне пока не надо, — ответила Арпи. — Мама, положи его обратно. Тёть, хочешь, я твоё окно помою, пока кошка не разбудила всех дедовых покупателей второй чашки кофе?

Мариам осталась сидеть на месте. Тепло, светло, на груше ямка расплавленного жёлтого воска, который кто-то как-то уронил осенью после единственного в их жизни шествия лимонных фонариков, прилип намертво к коре и полтора года не желал блекнуть. В прошлую среду с этой груши с удивительным для неё тугим стуком упал первый плод. Там кто-то просмеялся человеческим голосом и произнёс короткую фразу на португальском. Мариам не знала португальского, но по долгой прежней работе в заочных проектах умела различать его с итальянским и теми двумя испанскими провинциями, где всерьёз по-разному произносят слово «я». Потом по двору у них тянуло мылом, синими линяющими тканями, и в стволе ещё часа два держалась в щёлке чья-то маленькая прищепка. Мариам нашла в тарелке подвижную жёлтую каплю, сунула палец и попробовала, в надежде что это всё-таки вишнёвая камедь. Кисло-

сладкая. Положила на блюдце, блюдце в комнату, прежде чем у неё начнут расспрашивать про новые причуды.

К вечеру в магазине садовых мелочей они с отцом задержались за мелкими покупками. На узкой розовой вывеске мастерской Арпи уже горел маленький круглый след кота. Ниже шёл номер дома, день приёма, короткое армянское слово «завтра», которое кто-то написал мелом. Ваган остановился, наклонил голову к стеклу и долго, пока от кучки рассыпанных в ведре канцелярских кнопок не пошёл в холодный уличный воздух металлический запах, изучал каждый его знак. Был у него этот новый взгляд. Те, кто не умеет читать армянские буквы от рождения, спрашивают пальцами: вот эта нога кругом, вот следующая повернулась, какую палочку теперь поставить, чтобы выйти к уже понятному слову. Ваган, родившийся в Ростове, с родителями говорил на таком хорошем домашнем армянском, что иногда поражался на рынке, как здешние выросшие дети один сыр не могут попросить разборчиво, а сам по каким-то причинам не выучился смотреть на письмо. В семейной легенде он просто близорукий, ушедший в русскую смену и не желающий портить вечером глаза. На самом деле Мариам видела, как он берёт в ладонь чужую газетную полосу с армянскими спортивными фамилиями и кладёт под углом, который его зрению совсем не нужен. Ей очень захотелось сейчас снять с шеи его шарф и сделать вид, что им обоим никуда не надо.

Он попросил:

— Ты своё пальто горчицей не кормила, когда у тебя в кармане мой вокзальный билет сдох? Мне почему-то всё время эта история новых тканей на тебя подходит. От твоей матери ты ничего толком не оставила, дошла только до меня в этом дворе, а сможешь ты им здесь сказать, чего сама хочешь? Кофе принести утром мне — это ведь уже ты умеешь. Вообще иногда ты из-за того, что невеста вам завтра скажет «не надо столько», смерть как торопишься хотеть за неё.

Мариам в очередной раз приняла длинную руку отца и повела к дому. Как он умудрялся из такой вечности горячих послушных дверей замечать именно ту вещь, которой ты сама о себе стыдишься больше всего? Ни о платье, ни о строчке у Арпиной двери она больше тогда не спрашивала.

Глава 4. Грушевый бок

В следующую среду Вера собиралась совсем о другом. Подпороть сзади низ у длинной чёрной юбки женщины, которая не любит зеркал во весь рост и намеренно задирает подбородок, пока её измеряют. Зайти в аптеку посмотреть на маленькие круглые пластыри разных цветов: мизинцу от кары домашними ножницами и городскими мостовыми должно же быть иногда весело, думала Вера. Приготовить хлебный салат с помидорами, дождаться Инги, откусить у внучки кончик нового слова по-португальски. С утра Инга позвонила: у Томаша внезапный визит к отцу, у него новый смеситель, который не хватает угла повернуть, и если они не успеют приехать на обед до трёх, то уже никуда не поедут, оставят Лу до вечерней прогулки в нижнем городе. Пятый год эта женщина всерьёз думает, будто своим отцом Томашу можно заниматься только до наступления второго сезона. Завтра отцу внезапно откроется нужное направление, в нем кончатся все перекрученные головки винтов и синенькие метки холодной воды, и больше ни одна капля не будет падать на благополучное португальское семейство, которое так дружно вышло сперва разбираться со смесителем, потом смотреть, куда утёк их давно согласованный общий обед.

В полдвенадцатого Вера вышла во двор и увидела девочку. Та стояла по другую сторону небольшого стола, на котором с обеих сторон едва помещалось по столовому прибору, под ножками для устойчивости две плоские каменные плитки. На одной ноге кроссовок, другую спрятала под себя, стояла аистом, тонко чувствуя голыми пальцами гладкую внутреннюю сторону щиколотки. Плечи крепкие, как у юных спортсменов, у шеи из полотняного воротника выбился уголок этикетки, исписанный неразборчивым сердитым почерком. На ней была чёрная мужская футболка с белой шапкой перистого облака на груди.

— Вы Вера? — спросила девочка.

— А ты чья?

— Я свою прищепку на вашем дереве нашла. Нет, вашу на нашем. Видно сквозь ветки. И ноги на синем куске, между ними две заплатки. Мама подумала, что вы из новых соседей на лестнице, продолжает так думать. А я прищепкой спросила, можно у вас её оставить, она ваша или чужая? Вы VZ, да? На изделиях ведь некоторые эти буквы вырезают.

К девочке подошла женщина с прошлой среды. Вытерла ладонь о передник с синими пятнами, что-то спросила. Дочь ответила руками, живо, одновременно давая знаки что-то вроде мама-познакомиться-мы дома, смотри-влево и ту самую звёздочку, которая торчала из старой прищепки. Вере было не разобрать ни одного слова, зато движение вверх раскрытой ладони, вынеся её из-за серой шершавой тени к человеческому лицу, она знала на любом языке: «Ну, что же вы, вот она, я вам её привела».

— Ве-ра, — сказала новая женщина. Протянула ладонь. — Оксана.

— Женя, — сказал ребёнок. — Мы живём дальше, здесь, за аркой. Это Берлин, ну с нашей стороны. Вы не думайте, что я вся такая с приветом. Меня Рая сюда наполовину проводила, а сама ушла за колёсным насосом, в мастерской написано «перерыв так долго, как понадобится». И не дают, пока окно обратно не откроют.

— Вы, наверное, живёте не со двора, а с квартир, у которых дверь на нижнюю улицу, — сказала Вера, перерабатывая это новое обыкновенное известие. В городе, где она жила, русскоязычная пекарня называлась «Подмосковье», парикмахерская «Кишинёв» и в мастерской этим летом открылась продавщица приехавшая, судя по визитке, с острова под далеким Сахалином, а потом оказалось «Сахалин» — всего лишь дыхательный тур на её часто менявшейся работе. — А то у нас тут с трёх сторон ни одного Берлина даже на слух.

— Почти в центре. Там большая остановка и цапля иногда садится на машину, которую тащат, пока стройку сделали. А в вашем-то какая вода во дворе тёплая и пахнет мылом, от

нашей совсем-то другую руку отмываешь. Скажите маме, солнце откуда на вас? Лицом к ней лучше.

Вера повернула голову. В луче перед ней проступало Оксанино озадаченное немного усталое лицо. Пригляделась к губам Веры. Пока они смеялись, она делала то же, а как только дальше ушла фраза и ей дали пару совсем других знаков, она ухватила смысл. Спрашивать, насколько она слышит, станут ли теперь переводить на родном для Веры русском, и вообще как сложилось с обедом: ничего Вере вдруг не захотелось узнавать.

— Не подождишь ли минуту? — спросила она. — Я сейчас дочке своей снимок вышлю, быстрее, чем объясняться, ей сегодня делать нечего кроме важного крана. А это у нас росла, моя груша. Я только что хотела её трогать, потому что с южного бока поспевать начнёт. Вот тут шкурку видите? На ней тонкие точки, как у ребёнка после лета, маленькие веснушки. С годами их больше, их стирать не надо.

Женя перевела жестами, Оксана кивнула, проследила за вериной рукой. Вдоль стола с противоположной стороны медленно отодвинулась занавеска тяжёлых зелёных листьев. Мариам с плоским зелёным металлическим лотком под локтем и длинным ребристым ножом в правой руке стояла над своим фарфоровым тазом. В тазу лежала одна одинокая очень большая груша, непривычно бледная, отвесной грушевой попой вниз, черенком вперёд, словно ей до сих пор приходилось цепляться за ветку. И тут выяснилось, что все в этом дворе говорят по-русски с неожиданными, очень ясными и простыми разницами: под Беговой улицей в Минске говорят «поворот твоей улицы», С семенами — в Ростове «поворачивай за угол по теневой», а в одесской квартире Веры «завернуть надо туда, где нам дадут холодного ситро». Сколько у неё оставалось внутри такого, чтоб обнаружилось среди этого тополиного лета, Вера не считала.

— Чья? — спросила Мариам и наклонила таз. — У нашего дерева на этой неделе т-только одна упала, а это в воду пришла. Арпи, ты совсем не видишь, какой у нас таз огромный на этот огрызок? Мне лоток в другой стороне нужен, а у нас гости.

— У меня тоже таз, — сказала Вера. — Только наволочкам стирать. И тоже упала груша. Хотите её посмотреть? Сейчас вынесу выразительно. Хороший был зелёный красивый цвет, а сейчас уже вялый.

— Если вялая, значит, старая, — сказала Мариам. — Ну кто её просто так срывает, надо подождать. Потом по одной съедать возле дерева, когда всё равно никуда бежать не надо.

— Дождались, ага. Вот добыла собственным ребром.

Она вынесла на ладони прошлосреднюю грушу. С восторженным писком девочка из Берлина вынула из-за спины телефон. С виноватой миной убрала: мама и её бабка, Мариам и никакой не понравившийся пока ещё им фрукт были слишком живыми для того, чтобы гарантировать телефонной камере одного общего хозяина. Ребёнок прокрутил в ладони прищепку VZ и вложил её на край Вериного скатертного стола. Вот это для вас. Оно без малейшей особы и раньше по всей стирке служило, а с той стороны некому. С другой стороны над Вериным двором поднялся ветер, вышла из-за двери Ритина соседка, поясницу обвязала тёплой синей шерстью, и унесло треугольником Ереванскую вуаль. В три разные стороны зависли груши. Порту рвёт их в октябре, в Берлине другие гружёные растения, в Ереване с краю они могут поспеть в конце августа, а могут в этом дворе только в конце сентября. В своём саду всегда точно не скажешь заранее, на каком фрукте ветер остановится первым. Дело тянулось к обеду каждой из их семей, пусть цифры на телефоне поднимались несоответственные той другой, близкой и незнакомой кухне действительности.

Мариам разрезала вывалившуюся из фарфорового таза грушу над лотком. Настоящая грушинка хрустнула под ножом как сырая картошка. Первый ломоть отделился с неровной сердцевиной и одним белым, совсем недозревшим семечком. Жене достался кусочек с носика, Оксане той частью с треугольным пятнышком, Вере к низу и Мариам, как резавшей, большой мягкий бок, наиболее пригодный для еды, если бы он всё же был пригоден. Он был кислый,

терпкий и так немедленно стягивал язык к десне, словно вам в рот впихнули кусок вымоченного в красном вине наждачного полотна. Выплюнули разом, и от этого простого совместного движения как-то сразу стало легко. Пришлось всем показывать дольки без откушенного конца, потому что Оксана не успела понять, что в тот же момент пошло не так у Веры и у женщины в полосатом переднике.

— Мы нашу грушу называем ратушной, — сказала Мариам. — Потому что когда-то возле суда, нет, не суда, а управы отец увёл какой-то отросток, а сейчас все уверены, что дерево у нас прежнее прабабушкино само посадилось. Не думаю, что оно умело так долго нести ответственность за себя. А вы, выходит, если есть такие знатные садовые жители, к нашим соседям ругаться не пойдёте, пока оно до корки не разойдётся.

— Я никакая не знатная, — сказала Вера. — Я шью, а если кто встречный поинтересуется, могу только сказать, как отстирать пятна от яблока и чем заделать дырку, если тереть начали раньше, чем пятно отмылось. Хотите, я вам эту маленькую нитку возвращу, она же ваша?

В её сладком потемневшем тазу ещё с прошлой недели плавала белая шёлковая полоска. На самом кончике подшили литерой маленький бисерный шарик с серебристой дырочкой. Мариам взяла двумя пальцами и сразу узнала эту обшивку: на чехле у старого голубого платья была короткая кисточка, вчера сели прямо на неё, уронили чехол на землю и без шума потеряли самую длинную нитку. Мариам обернулась во двор, позвала Анаит. Та вышла с мокрой расчёской в зубах. Заходила в парикмахерскую женщина с головой взрослой такой густоты, что ножнички её садились, даже приблизительно раздвинув два волоска одного и того же вида.

— Вот, Мариам, у нас к тебе работа, — сказала сестра. — До осени Вагану нужен тёплый капюшон, на куртке молния разошлась. Мы вечером включим машинку?

— У меня есть и на сегодня, — сказала Мариам. — Ты ещё трёх людей пригласи таких, которым заранее нужна поглаженная рубашка и лицо подвязать к собственной голове, я их дополнительно приму в своё обычное прежнее время. Смотри, кого я нашла.

— Вы в хорошем времени меня застали, — сказала Анаит, убрав расчёску из зубов и передав привет незнакомкам за грушей. — Встану я через три минуты возле своей мойки, у меня краска уже на знакомой женщине лежит. До пяти, говорила ей, ещё было всё равно. В следующий раз дама сама назначит себе другой день. Нужен мне от вас совет на будущую неделю, если у вас кто шьёт. Я портным нашим не хочу это говорить, они подчиняются своим наставлениям, а у нас дома у каждого есть своя сестра из прошлого театра. Хочу узнать только, из сценического платья можно ли делать праздничное? То есть все ли эти старые внутренние стежки потом смотрятся как декорации? А то у нас невеста есть.

— Арпи невеста, — объяснила Мариам. — Дочь Анаит. А я мамина сестра. В сентябре свадьба. Платье бережём пока так, на месте, она из него может вообще другой наряд выбрать, они с Вигеном договорились без придумок.

Вера потрогала руками свою голову и заметила, что косынка у неё на затылке распустилась и давно уползает вниз. Минут пятнадцать она тут стояла, не обращая внимания на неглаженый собственный вид. Стало смешно: если недостаёт хорошей большой части, просто скажите, в какую сторону её лучше пришить, а вот такое долгое лето в Порту с другим очень обычным двором через стол, с Арпи, которую ни разу ещё не видела, и с ездящей на греблю девочкой Женей из тёплого Берлина, может ли сразу стать собственной Вериной ценностью? Она пошла в комнату, достала с полки стеклянный стаканчик, в нём три напёрстка: маленький алюминиевый для ребёнка, тёмный никелированный от соседки и жёлтый латунный, от театральной костюмерши, которой Вера когда-то подменила вечер, чтобы та пошла в кино на свидание со своим будущим зятем (лучше эту часть никто ни у кого никогда не спрашивал).

— Следующий раз будете — принесите платье, — сказала она. — Я его увижу, можно потихому с вами посмотреть. Выясним, что там за стежки. А это возьми пока, попробуй. Носить надо в ямку, иначе врежешь железный край прямо в подушку!

Через стол поплыл яркий жёлтый напёрсток, лёг в ладонь Анаит. Та прижала его к среднему пальцу и улыбнулась: подошёл. На Берлинской стороне Женя нашла фарфоровую, с горошину, рюмочку с радужными ручками. Мариам подтвердила: от Ваганова набора, горлышки для специй, все семь лишились крышечек за годы его бесконечных переездов. Три вернулись в оборот, одна раскололась осенью и такую же пару ей искать несколько лет бессмысленно, а эта может у Жениной мамы пожить. Хранить в ней тот самый синий пигмент до следующего раза. Блюдце само по себе умеет разнородным людям дарить удовольствие ещё по три литра за один приём.

Оксана прижала подарок к груди и сказала голосом слова, которые Мариам услышала и мысленно повторила подробно: «Я приду». Вера забрала свой пустой лоток, увидела на нём подсыхающий грушевый сок, отвела локтем одну висевшую на верёвке наволочку и позвала Луизу пообедать. Оксана с Женей ещё сидели над глиняной рюмочкой. Из открытой парикмахерской Анаит кричали: «Холодит! Понесло к виску!» Птичьи шумы в соседнем окне постепенно успокоились. Три разных обеда, три разбросанные по цементному полу грозди хрустких семян были в тот день столь же домашними, как возвращающиеся вечерами живые печёночного цвета таксы в чужих садах.

Вера поставила на стол хлеб с помидорами и присела рядом с внучкой. Про Брагу говорить всё-таки пока не захотелось.

— У нас теперь ещё другие соседи есть, — сказала она. — Вырастают прямо рядом с грушей.

Лу запихнула в рот толстый кусок хлеба и с полным ртом говорить ей стало почему-то легче.

— Давно есть. Только ты всегда бельё большое вешаешь. За ним не видно.

Глава 5. Четвёртая комната

Инга заказала матери билет не в ту сторону. «Брага — Порту» вместо «Порту — Брага». Отследили это на станции, Вера уже купила сэндвич с двумя одинаковыми ломтиками сыра и бутылку воды с мутноватым осадком на дне из тех, у которых дата изготовления завтра всё ещё хорошая, но всё остальное уже не очень. Бутылку она обменяла без разговоров. С билетом вышло труднее. Молодая женщина у окна как раз разговаривала с женщиной по ту сторону пластмассовой перегородки, обе были так похожи, что Вера, забыв про свою Брагу, думала только о том, придёт ли им когда-нибудь в голову, что в один и тот же день они нарочно одинаково заправили за левое ухо один и тот же светлый локон. У кассирши был у самого подбородка крошечный нажим напечатанного на белой бумаге профиля, которым снабжают работников как выработанным знаком их видимости: «У вас работает Кристина, если Кристина улыбнулась не столько раз, сколько вы от неё ожидали, можете вечером написать нам вот сюда». Женщина, покупавшая билет, сунула ей через щель две абрикосины и ушла.

«Мать», — подумала Вера и почувствовала такое ни к чему не относящееся счастье от новой обнаруженной подробности, что не сразу поняла простое обращение Кристины:

— Вам менять?

Показала билет. Кристина сказала, что именно по этому дешёвому билету никак не меняют, это скидка для тех, кто покупает заранее и знает своё направление. Железнодорожная власть, понимающая все трудности прохождения по жизни, покупку в неверную сторону не считает родственной тем ошибкам, в которых организация обязана принимать участие. Но она, Кристина, попробует написать в тот отдел, где могут дать взамен бумаги с ошибкой другую, признав человеческий самый первый интерес. Дата совпадает, направления просто перепутаны. Вера походила перед кассой. Два свободных прохода, один широкий белый столик с отдельно стоящим напитком, вокруг по перилам идут от сумок грубые царапины, знакомые по дому и многократным поездкам. Она не могла сказать женщине стеклянного окна, что, возможно, билет в эту самую неверную сторону и есть тот, по которому её действительно хотят повезти. Из нового, заранее оплаченного дома в гости на старую родину.

Инга с Томашем ждали на другом вокзале в чёрном маленьком фургоне без всякого кондиционера. Машина была отца. Пакет с патроном от смесителя остался болтаться на поручне, под ним один резиновый синий мячик всё лето плясал на ветру. Старый отец жил в десяти минутах езды от мастерской по ремонту кранов, но предпочитал именно тому сыну доверять свои четыре усталые стенки, который не покидал его даже после сакраментального сообщения в их домашнем чате «сегодня я хотел бы побыть совершенно один». Половина отдыха Томаша состояла в том, чтобы ехать на том самом фургоне по старым дорогам, разворачиваясь у закрытых уже заборов, смотреть, как отец смотрел прежде, и в каждой следующей деревне находить человека, которому тот лет сорок назад поставил столешницу.

— Прости за билет, — сказала Инга. Обняла мать с ошибкой в росте, губы прижались к мочке уха и к холодному серебряному кольцу. — За двоих брала вчера. Лу ни разу не тошнило до самого моста, а потом мы ей купили морской пряничек, там, видимо, среди этого украшения, отчего синие пальцы, что-то было, и у нас с тех пор есть представление об идеальном весе детской еды в летнем фургоне.

— Из-за папиного мяча, — серьёзно сказала Лу. — Когда по сторонам всё стоит, а посреди дороги мяч с-скачет, приходится думать, будто у тебя дом всей стеной ездит за этим мячом на резинке.

— А когда дурацкого мяча нет, тебе срочно приходится брать чей-нибудь планшет, чтобы из него выпрыгивали другие мячи, — напомнил Томаш. — Извините, Вера, мой русский

сегодня сильно мешает мне держаться настороже, я специально сейчас выпустил из него родительный падеж, он бы этого никогда не пережил. Очень рад.

Между ними с Томашем много лет была игра: когда русский перестаёт действовать, выпускаешь из крошечной клетки в собственном горле один падеж, он летит над чужими домами за женскими и мужскими разговорами и в субботу богатым стариком возвращается к тебе домой. При этой игре им не требовались переводы, Лу билась с первым винительным возраста лет четырёх, Томаш всё-таки осилил к третьей осени половину коротких форм будущего времени и стал иногда говорить что-то вроде «я пойду сейчас к этой ужасной таможне, а вы мне расскажете всё, что об нею думаете». Вера его понимала. Ей дочерино умение отвечать сразу в трёх языках всегда казалось случайным дивом детской головы, причем та самая детская голова давно уже была женщиной с банковским счётом, ожидающим покрытия два платежа, с треснувшим на пальце противнем и вечерней невозможностью думать о каком-нибудь номере будущей своей столовой, только о том, кто завтра придёт в цех раньше и сумеет отмыть молочную печку.

Столовую Вере показали первой. От вокзала недалеко. В просторной, с кладкой из мелкой разноцветной плитки в форме детского колокольчика, комнате стояла одна огромная чёрная тумба под будущую стойку. Справа мойка, откуда в жестяной штукатурной ванне выглядывает быстрый серо-зелёный куст, оставленный предыдущим хозяином. Слева два простых окна с одинаковыми квадратными стёклами. Со стороны улицы, когда-то модно перекрытой по ночам тремя съёмными столбиками со светоотражающей полосой, ровно в три часа к блюдцам будущего второго обеда должна проходить небольшая тень. Томаш разложил на столе карточки с будущим меню. Чечевичный суп с копчёной паприкой. Омлет на сковороде с уже отварной картошкой. Купленная по утрам белая рыба с быстрым соусом из масла и петрушки. Зелёный салат, куда бабушка по своей давней привычке положит клюкву, если никто не остановит. Потом на маленьких тарелках предлагаются пирог с грушей и целый кривой печёный персик, который пока никто не знает как приготовить, чтобы его покупали не один раз в начале сезона.

— Столько ли поместится на одной плите, если у тебя другая для рыбы? — спросила Вера. Она знала, о чём поговорить с дочерью.

— Мне на восемнадцать мест достаточно трёх конфорок. Я у людей умею брать заказ с таким видом, будто они выбирают, когда в действительности получится самому покупателю проще выбирать рыбу, чем что-то без неё. Я тебе не стремлюсь продать своё большое счастье, просто один раз в жизни у Томаша есть возможность проработать день не у папы и не у брата, он за семь месяцев договорился за аренду ниже, чем новая машина, а у меня стол получается на людей, которые перестали бы есть у меня из жалости.

— Вы уже даже в холодной кассе точку решили? — улыбнулась Вера.

— Мам, — сказала Инга и отпустила сушившуюся кухонную салфетку. — Ты пока не говори «вы». Посмотри ещё наверху, пожалуйста.

Лу помчалась к обветшалой винтовой лестнице в спинной тени кухни. Сперва маленькая площадка с дверью в квартиру чужих людей, тут же пёстрая занавеска на верёвке отделяет личные хозяйственные вещи от грязных табуреток посетителей. Лестница поднимается ещё на пол-оборота, попадает в свет, ещё сторона в тени, и на последнем углу носок тапка Лу встал на выложенное мелкой мозаикой колесо со сломанными границами спиц. Как будто всего одну ступеньку назад надо было пройти, чтобы оказаться уже не в городе, где обедают гулявшие днём по улице люди, а у своих. Квартира большая по здешним меркам — длинный узкий коридор, три комнаты с закрытыми ставнями, четвёртая без ставней на дальнем краю. Пусто, светло. На полу полусухой кусок глины, высыпавшийся из стены после смены розетки.

Лу первой бросилась к маленькому пустому углу, поставила колени у стены крест-накрест, потом показала:

— Здесь будет моя верхняя, съезжать на мяч по лесенке, а нижняя для б-бабушки, если пальцы будут болеть уже от этой вашей иголки. Или я снизу, когда ты придёшь д-дед-морозова мать, пока наверху у тебя нище не получается.

— Лу, — остановилась Инга, — у бабушки будет своя комната, с утюгом. Раньше здесь был кривоватый гардероб, Томаш его снял, приволокли настоящий низкий стол, такого даже в Порту у неё нет, по хозяину остался хороший гладильный чехол. И в принципе новая белая кровать уже должна прийти во второй половине августа. Ты ни в какой момент не обязана ни на кого посреди сна смотреть через прутья лестницы.

Наступила бы сейчас добротная тишина, какая в кино идёт перед вопросом «кто насчёт этого тебя попросил» и на какую всю жизнь ходят не зря после болезни: есть полминуты сесть поудобнее, есть куда положить накинутое на колени пальто, есть на что досердиться, не дожидаясь вовремя подоспевшего ежесекундного примирения. В жизни с улицы одновременно закричал продавец перца. Ветер тронул толстую обмотанную прозрачной лентой клемму у стены, она стукнула по пустому деревянному полу. И все стали говорить сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.